

А.Ю. Казакова, О.В. Новикова, А.С. Ульянцева*

**ГОРОДСКАЯ СРЕДА
КАК ХРАНИЛИЩЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
(НА ПРИМЕРЕ ГОДОНИМОВ г. КАЛУГИ)**

Аннотация. В контексте политики памяти как части региональной информационной политики особой ценностью обладают локальные места памяти ввиду постоянства, неясности и эмоциональности воздействия. В работе на основе совокупности праксиметрических методов рассматривается логика сохранения и замещения пластов исторической памяти для ответа на вопрос о том, на какой набор ценностей и социокультурных смыслов ориентирует жителей г. Калуги современная городская семиотика. Выявлено, что советский топонимический контекст до настоящего времени является структурообразующим, а доминирует персонализированный тип коммеморативного ядра. При этом топонимы разного содержания неравномерно распределены по территории города. Несмотря на частую бессистемность, в составе и распределении мемориальных объектов прослеживается приверженность сформированному в советское время режиму памяти, способствующей поддержанию национального самосознания.

Ключевые слова: Россия; Калуга; политика памяти; городская семиотика; топонимы.

---

* **Казакова Анна Юрьевна**, д-р соц. наук, ведущий научный сотрудник Отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия). E-mail: kazakova.a.u@yandex.ru

Kazakova Anna, DSc (Soc. Sci.), Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: kazakova.a.u@yandex.ru

Новикова Ольга Владиславовна, ФБГОУ ВО Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (Калуга, Россия). E-mail: olganovikovav@mail.ru

Novikova Olga, the State Budgetary Educational Institution of the Kaluga state University named after K.E. Tsiolkovsky (Kaluga, Russia). E-mail: olganovikovav@mail.ru

Ульянцева Анна Сергеевна, ФБГОУ ВО Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (Калуга, Россия). E-mail: uluantsevaa@yandex.ru

Ulyantseva Anna, the State Budgetary Educational Institution of the Kaluga state University named after K.E. Tsiolkovsky (Kaluga, Russia). E-mail: uluantsevaa@yandex.ru

© Новикова О.В., Ульянцева А.С., 2023

Для цитирования: Казакова А.Ю., Новикова О.В., Ульянцева А.С. Городская среда как хранилище исторической памяти (на примере топонимов г. Калуги) // Экономические и социальные проблемы России. – 2023. – № 3. – С. 157–169.

A. Yu. Kazakova, O.V. Novikova, A.S. Ulyantseva
Urban environment as a repository of historical memory
(on the example of toponyms of Kaluga)

Abstract. In the context of memory policy as part of regional information policy, local memory sites have a special value due to the constancy, implicitness and emotionality of the impact. Based on a set of praximetric methods, the paper examines the logic of preserving and replacing layers of historical memory to answer the question of what set of values and socio-cultural meanings modern urban semiotics orients residents of Kaluga. It is revealed that the Soviet toponymic context is still structurally forming, and the personalized type of the commemorative core dominates. At the same time, toponyms of different contents are unevenly distributed throughout the city. Despite the frequent haphazardness in the composition and distribution of memorial objects, there is a commitment to the memory regime formed in Soviet times, contributing to the maintenance of national identity.

Keywords: Russia; Kaluga; politics of memory; urban semiotics; toponyms.

For citation: Kazakova A. Yu., Novikova O.V., Ulyantseva A.S. Urban environment as a repository of historical memory (on the example of toponyms of Kaluga) // Economic and Social problems of Russia. – 2023. – N 3. – P. 157–169.

Введение

Современная трансформация информационного пространства в сторону все большей открытости создает проблему защиты исторического прошлого национальных государств и является одним из факторов, ведущих к активной роли последних в политике памяти. Данная политика, направленная на формирование коллективной памяти о событиях прошлого, на создание общественных представлений о национальной истории и культуре, а также на управление этими представлениями путем контроля над официальной версией истории в СМИ, может рассматриваться как часть информационной политики государства. По направлению деятельности она является внутренней, так как регулирует общественные отношения внутри государства путем постепенного реформирования сознания граждан. Использование информационной сферы для достижения политических целей имеет множество преимуществ, включая возможность скрытого воздействия, высокую эффективность при текущем уровне развития информационных технологий, широкий набор инструментов, способность одновременного воздействия на обширные слои общества и относительно невысокие затраты [Беленков, Гюлазян, Мазлумян, 2018].

Деятельность государств по созданию версий национальной истории и определению правомерности исторических концепций, школ и направ-

лений, методов и источников стала особенно актуальной в конце XX в. после распада СССР [Белявцева, 2022, с. 58]. Сейчас в России и странах постсоветского пространства идет борьба против искажения исторической памяти и фактов, особенно касающихся Великой Отечественной и Второй мировой войн [Белявцева, 2022, с. 61]. Например, Европарламент в резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», принятой 19 сентября 2019 г., пытается переложить ответственность за начало Второй мировой войны на СССР [Importance of European ... , 2019].

Управляя исторической памятью, выбирая, какие события и личности должны быть увековечены, а какие – забыты, субъекты власти делают историю инструментом неявного социального контроля. Поэтому о политике памяти чаще всего говорят как о средстве реализации символической власти. П. Бурдьё определил ее как «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир» [Бурдьё, 2013, с. 96], как «власть творить вещи при помощи слов» [Бурдьё, 2013, с. 84]. Символическая власть, связанная с производством способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование [Малинова, 2011, с. 106], относится к способности группы или института контролировать и определять символы и значения, которые используются в общественном дискурсе.

Связь между политикой памяти и символической властью заключается в том, что обе они используются для формирования и поддержания стабильности и порядка в обществе. Контроль над исторической памятью позволяет группам или институтам создавать общие нормы, ценности и идеологии, которые формируют общественное сознание. Символическая власть обеспечивает контроль над каналами и средствами распространения этих норм, ценностей, идеологий: языком, символами, медиа, образцами поведения. Политика памяти на федеральном уровне включает в себя создание памятников и музеев, реализацию исследовательских и социальных программ, пропаганду определенных исторических персон, событий и ценностей через образование и средства массовой коммуникации. Но особой эффективностью обладают локальные места памяти. Их воздействие является постоянным, неявным и чрезвычайно эмоциональным, поскольку воплощается в ткани городского пространства. Исторические и социальные ассоциации переплетаются с личной историей, подкрепляются любовью к родным местам, обрастают массой вторичных смыслов, связанных уже не с национально-государственной, а с территориальной идентичностью. В связи с этим актуальность приобретает анализ повседневных контактов горожанина с каналами и контентом исторической памяти на разных уровнях коммуникации: не только национальном, но и региональном, и локальном.

В данной работе логика и последовательность сохранения и замещения пластов исторической памяти рассматриваются на примере годонимов¹ Калуги. Проводится различие между двумя видами практик: переименование объектов города и возвращение исторических названий.

В исследовании использован обширный пласт краеведческой литературы и проведен лингвостатистический анализ городской топонимики, отраженной в официальном адресном реестре, в сопоставлении с картами города разных исторических эпох.

Типичность калужского топонимирования

Калуга – один из старейших городов России. Как и в других исторических российских городах, улицы Калуги прошли через циклы изменения названий. Условно можно выделить три периода – царский, советский и постсоветский.

На первом этапе формирования городских объектов общих принципов топонимической политики не существовало: внимание уделялось известным землякам и памятным датам, а также появлялись нейтральные названия, связанные с географическими особенностями или особенностями использования территории.

Возможность идеологизации топонимирования появилась только с развитием регулярной застройки и планового градостроительства. В случае Калуги это планы П. Никитина – И. Яснигина (1787), которым в целом соответствует и современный облик исторического центра города (рис. 1).

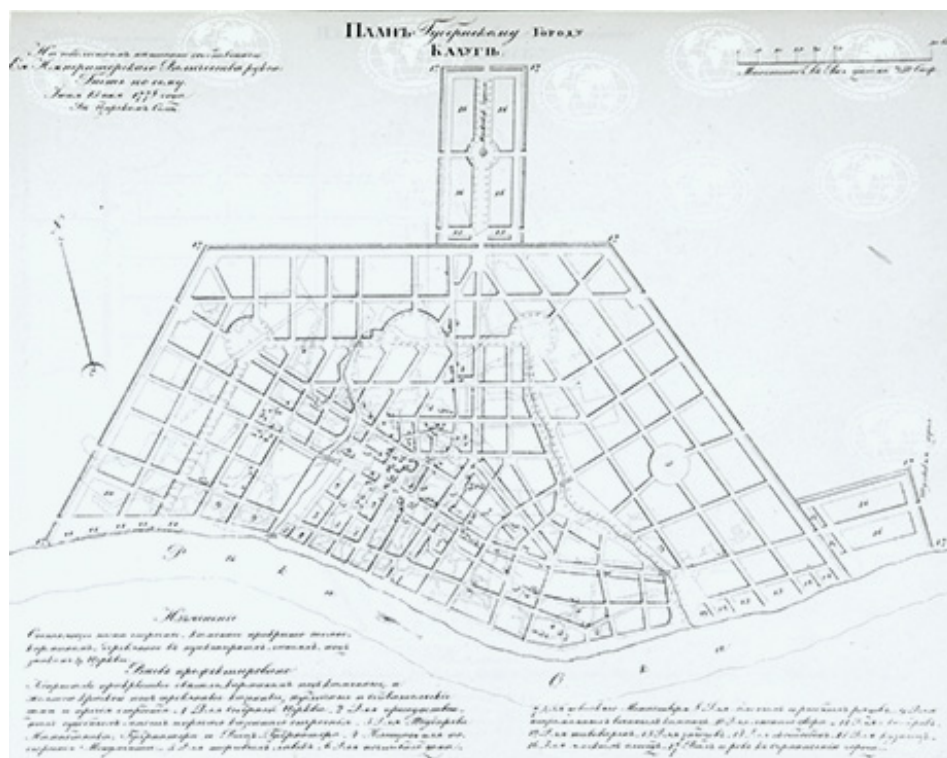
Названия улиц в этот период производны преимущественно от названий храмов или фамилий знатных горожан, а также особенностей использования (Сенная, Садовая и пр.). В этом видна общая для всей Центральной полосы России тенденция к формированию образа города как средоточия православия, в духе идеи «Град Небесный – град земной». Но уже к началу XX в. эта тенденция дополняется выраженным стремлением запечатлеть в памяти потомков с помощью языкового облика города (и его проекции на карте) значимые для идеи державности военно-исторические события. На карте 1912 г. (см. рис. 2) появляются переулок Старичков² с пометкой о нахождении там дома, пожалованного семье героя, а также улица Кутузовская (позднее переименованная в Театральную) и Народный дом в память об Отечественной войне 1812 г. Почти нет годонимов, отсылающих к историко-культурным явлениям, хотя есть и такие, как улицы Гоголевская, Пушкинская, Старообрядческая, Берендяковская. Множатся «бытовые» и «хозяйственные» названия, указывающие на преимущест-

---

¹ Названия городских объектов: улиц, переулков, проспектов, тупиков, линий, набережных.

² Калужанин С.А. Старичков – герой битвы под Аустерлицем (1805), спасший знамя Азовского полка русской армии.

венно мещанский социальный портрет и не слишком высокий уровень социально-экономического развития города (Аптекарская, Модная, Горшечная, Выгонная, Тележная, Сальная, Ямская улицы и пр.).

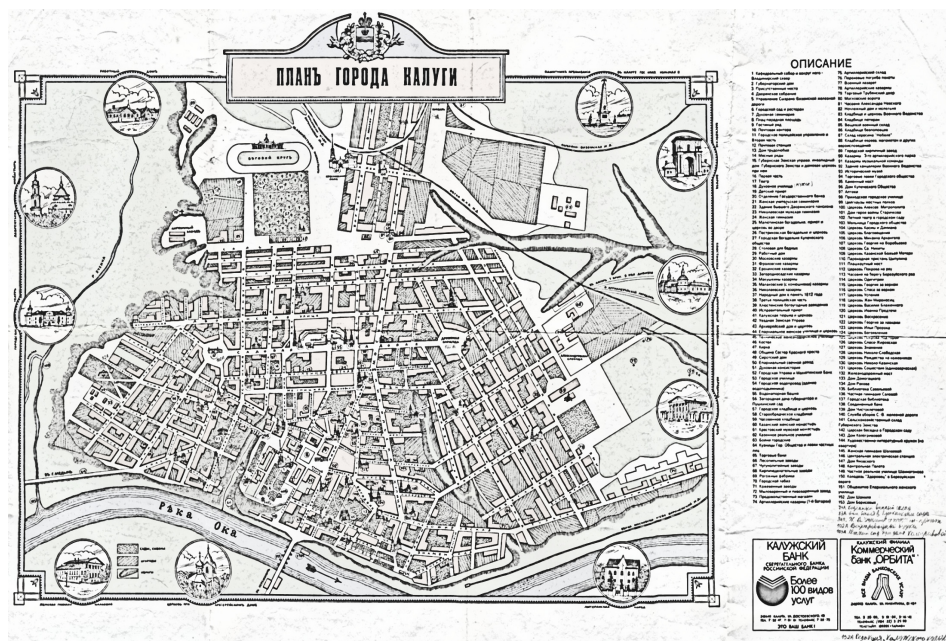

Рис. 1. План губернского города Калуга 1859 г.
Источник: [План губернского города ... , 2016]

Послереволюционный период в Калуге, как и в стране в целом, характеризуется тотальной зачисткой «старорежимных» названий (рис. 3).

Главные ориентиры переименований – деклерикализация и десловизация топонимов (избавление от названий типа «Одигитриевская», «Рождественская», «Семинарская», «Дворянская», «Солдатская»). В 1920-е годы лингвистический ландшафт насыщается новыми ценностями (проспект Революции, площадь Свободы, улицы Трудового Крестьянства, Пролетарской Диктатуры, проспект Красного Трора, проспект Женщин-Работниц) и персоналиями, связанными с деятельностью Коммунистической партии большевиков, народно-освободительными движениями, социально-философскими истоками революционных идей (улицы Маркса, Маклина, Лас-салья, Бебеля, Либкнехта, Разина, Чичерина, Плеханова, Пестеля, Брута,

Спартака, Робеспьера, проспекты Тиберия Гракха и Гарибальди). Если ранее основной функцией топонимов являлись сохранение и трансляция сложившейся картины мира, то теперь, за счет агрессивной политизации, они стали служить ее вытеснению и замещению.

Рис. 2. План города Калуги 1912 г.

Источник: [Старая карта ... , 2023]

Нужно отметить, что впервые в истории топонимирования Калуги пространство так обильно маркируется именами литераторов и философов – но только «прогрессивных», «революционных» и «народных» (улицы Шевченко, Рылеева, Герцена, Некрасова, Кольцова, Достоевского, Прудона, Маркса). На карте 1926 г. появляются также имена Сквороды, Лермонтова, Огарева, Белинского, Чернышевского, Гл. Успенского, Бакунина, Оуэна, Л. Толстого, Вл. Соловьева, Горького [План Калуги 1926 г., 2023]. Вероятно, впервые карта 1926 г. включает в советскую «агиографию» и ученого (Ухтомского). Улица Циолковского с домом знаменитого калужанина получила свое современное имя на карте 1943 г.

Такая практика не только служит закреплению политической идеологии. Она формирует хрестоматийный образ гражданина и поэта-борца, диктует эталон советской начитанности и, в конечном счете, содействует просвещению народных масс.

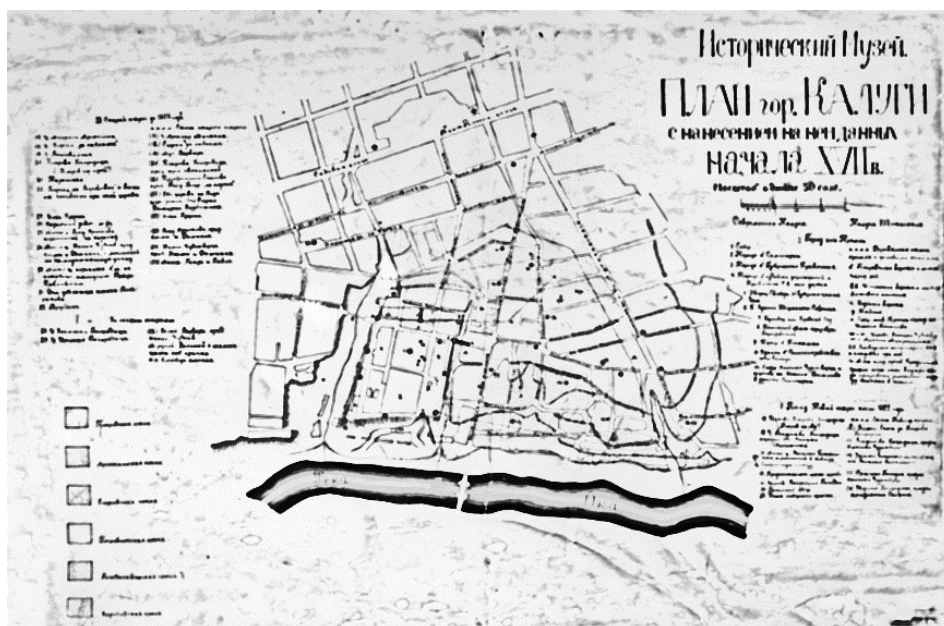

Рис. 3. Карта Калуги 1922 г.
Источник: [Карта ... , 2023]

В послевоенный период при формировании социального пространства города используется предыдущий опыт, но он переформируется в сторону снижения радикальности. Тезаурус бесконечной классовой борьбы теснится символами прогресса: научно-технического и военно-политического. Множество названий, славящих героев войны, сочетается с названиями, прославляющими ученых и космонавтов: Мичурина, Жукова, Болдина, Глаголева, Пухова, Гагарина, Королева, Волкова и т.д. Память о войне встраивается в единую с достижениями науки и техники прогрессистскую линию исторического развития: обе победы предстают как окончательное и бесповоротное достижение человечества, полученное им в дар от советского общества.

Как уже неоднократно отмечалось, после распада Советского Союза практика топонимирования городов в разных регионах приобретает характер реконструкции: многим объектам возвращают «отмененные» в советское время исторические названия [Парамонова, 2010]. Некоторые из них чудом сохранились и в советский период. Например, улицы Лаврентьевская и Нижнелаврентьевская в Калуге недалеко от ныне реконструированного Свято-Лаврентьевского монастыря уцелели, возможно, за счет десемантизации – утраты памяти о деяниях святого блаженного Лаврентия.

Начавшаяся после 1991 г. мемориальная «война» с советским наследием протекала (и протекает до сих пор) в различных вновь образованных национальных государствах и даже регионах страны с разной степенью жесточести. «Зачистка» советских названий, судя по картам, в Калуге была не только частичной, но и бессистемной. Можно было бы предположить, что новый режим избавляется прежде всего от тех названий, которые указывают на неприемлемые сегодня методы ведения политической борьбы: Засулич, Каракозова, Перовской. Однако донныне сохранился тупик Софьи Перовской, улицы Баррикад, Вооруженного Восстания и Марата, а годонимов, образованных от имени одного из самых радикальных декабристов – Павла Пестеля, – целых три.

Возвращаются прежде всего годонимы религиозного содержания (Богородицкая, Воскресенская, Старообрядческий, Знаменская, Николо-Козинская и пр.), а также годонимы, акцентирующие местные особенности и древность исторического места за счет возврата к наименованиям, в основу которых ложилось раннее, дорегулярное, функциональное зонирование города (Старый Торг, Гостинорядский, Городенская, Яченский). Это проявляется и в присвоении современным территориальным общинам самоуправления названий тех древних слобод, в пределах которых они располагаются сегодня («Кожевенная слобода», «Подзавалье»), и в появлении их виртуальных аналогов – тематических территориальных групп в соцсетях («Гамаюнщина», «Сергиев Скит»).

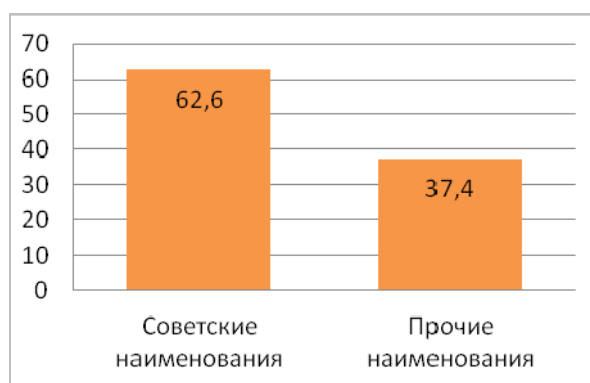
Таким образом, целью возвращения старых названий улицам и другим объектам являлась не столько последовательная десоветизация, сколько стремление восстановить связь времен на основе обновленной культуры памяти.

Процесс возникновения новых улиц продолжается. В основном активное наименование улиц проходит в новых микрорайонах города, в дачных кооперативах и в населенных пунктах постепенно растущей пригородной зоны. Названия новых улиц не подвергаются воздействию политической идеологии. Они преимущественно стилистически нейтральны или содержат позитивно-оценочные коннотации. И хотя эти названия характеризуются отсутствием системности, в них прослеживается ориентация на экологические, семейно-потребительские и гедонистические ценности: улицы Комфортная, Раздольная, Успешный, Уютная, Удобная, Снежная, Белые Росы, Серебряный Пруд, Серебряные Родники, Пейзажная, Кленовая, Отрадная, Чистопрудная, Клубничная, Грибная, Дачная, Семейная, Барский и множество подобных.

Возникает вопрос о степени сохранности советской картины мира по отношению к другим историческим, культурным, этноконфессиональным пластам, с которыми она сосуществует в современном лингвистическом (и – шире – семиотическом) пространстве города. Анализ адресного реестра [Адресный реестр ... , 2023] показывает, что в Калуге, как и во

многих других городах страны [Тимофеев, 2012], большинство до сих пор составляют топонимы, связанные с советским периодом (рис. 4).

Рис. 4. Доля улиц с «советскими» наименованиями в составе всех улиц муниципального образования «Город Калуга»
Источник: [Адресный реестр ... , 2023]

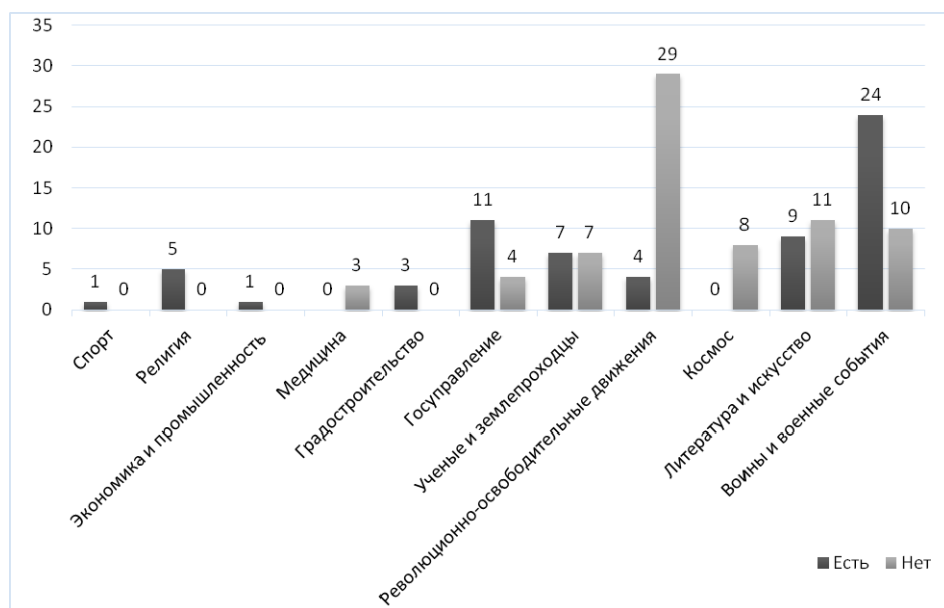
Наиболее явно ценностно-ориентационную и социализирующую функцию несут отыменные топонимы: объекты, названные «в честь» кого-то, «имени» кого-то, формируют антропологический проект эпохи, утверждают, что именно этот человек воплощает в себе те достоинства, которые следует сохранять и воспроизводить в поколениях. Общей тенденцией калужского постсоветского топонимирования является «регионализация» новых названий, среди которых чаще встречаются имена тех людей, жизнь, деятельность, творчество или подвиги которых тесно связаны с калужской землей. В этом проявляется стремление не просто дать позитивную оценку событиям, действиям и личности человека, но и вызывать чувство сопричастности, формировать местный патриотизм.

Актуальный адресный реестр Калуги насчитывает 992 топонима. При этом 157 (16%) современных улиц города носят отыменные названия; 87% всех «антропонимических» топонимов относится к внутреннему городу¹, 13% рассеяны по пригородной зоне [Адресный реестр ... , 2023].

Во внутреннем городе наблюдается не только большое количество, но и большое разнообразие отыменных топонимов. Почти в половине случаев (64 из 137) за названиями стоят люди, которые родились и жили в Калуге или часто здесь бывали, развивали ее политическую, экономическую, художественную, спортивную и религиозную жизнь, а также герои различных войн (рис. 5).

---

¹ Здесь мы имеем в виду собственно городские районы, центральные и окраинные, в отличие от пригородных территорий, безотносительно к социальным проблемам.

Рис. 5. Число увековеченных личностей по сфере деятельности и связи с Калужской областью (внутренний город)
 Источник: [Адресный реестр ... , 2023]

Одновременно отчетливо видны сферы, которые не рассматриваются как «культурообразующие». Их деятели получают шанс на социальное «бессмертие» только в том случае, если они внесли весомый вклад в местное развитие спорта, религии, архитектуры и градостроительства, экономики и промышленности. Относительно безразличны потомки к «местному статусу» только двух категорий: ученые и литераторы в равной степени принадлежат всем, где бы они ни родились. Наличие среди земляков видных военных и государственных деятелей льстит потомкам и заставляет увековечивать их чаще, но это не является определяющим. Единственные сферы, которые по-прежнему играют роль «святцев» российского урбанизма, поставляя имена всем российским улицам вне связи с происхождением, биографией и эпохой жизни героя, – это космонавтика и революционно-освободительные движения.

Существенное отличие пригорода Калуги состоит в том, что во внутреннем городе присвоение улицам отыменных названий чаще носит произвольный характер, не требуя от прототипа обязательной биографической связи с Калугой ни местом рождения, ни иными контактами. В пригороде же антропонимический годоним, как правило, имеет тесную связь с местом, что обеспечивает такому топонимированию значительно больший интегративный потенциал. В 10 случаях из 20 поводом просла-

виться для увековеченного уроженца пригородной зоны становится война [Адресный реестр ... , 2023]. Только три топонима носят имена знаменитых земляков – деятелей культуры. Иногда это отдельные этапы жизненного пути «пришлых людей», ставшие важным событием для края (ссылка Булата Окуджавы, закладка Никитой Демидовым железодельных заводов, в том числе на реке Вырке). Лишь 15% пригородных топонимов носят характер произвольного выбора из «канонических» имен: Суворов, Лермонтов, Гагарин.

Заключение

Политика памяти может использоваться для формирования определенных идеологий и ценностей и, встраиваясь в информационную политику, – для создания привлекательного образа страны через медиа и другие социокоммуникативные институты. Без осознанного подхода к политике памяти и информационной политике невозможно обеспечить социальную справедливость, множественность голосов и уважение к различным точкам зрения. Вместе с тем обнаруженное в Калуге «многоголосие» исторических эпох и персонажей едва ли можно считать результатом осознанного топонимирования как практики государственного управления. Во всяком случае, единого и связного идеологического посыла оно не несет и формированию единой, внутренне непротиворечивой, картины мира не способствует.

Новизну результатов исследования составляет выявление различий в степени «локализации» увековечивания личности в зависимости от связи с городом; дифференциация «высоких», достойных увековечивания, сфер деятельности и «низких», достижения в которых не позволяют претендовать на социальное бессмертие, а также обнаружение скрытого за этим ландшафтом ценностей тренда в сторону автономии и гедонизма. Полученные данные позволяют сделать вывод о неполитизированном характере десоветизации языкового ландшафта города.

Несмотря на мягкость и частичность процесса вытеснения советского исторического опыта из физического и лингвистического пространства современной Калуги, именно он сохраняет свою структурообразующую роль сегодня, конструируя ментальную карту города в общественном сознании. Ей противостоит (и в ментальном, и в физическом отношении) растущая масса преимущественно «пригородных» топонимов, ориентирующих жителя не на тот или иной образец, по которому можно «делать» свою жизнь, а на то, чтобы просто получать от нее удовольствие.

Безусловно, полученные выводы носят предварительный характер. В частности, необходимо расширить их эмпирическую базу, чтобы сопоставить с выводами, которые могут быть получены путем сравнения разных каналов диахронной коммуникации, институциональных и стихийных коммеморативных практик.

Органы власти, организации, общественные объединения и сообщества могут преследовать различные цели и / или использовать разные формы управления исторической памятью. Прежде чем перейти к практическим действиям, очень важно получить оценку того, насколько комплементарны целенаправленные и спонтанные процессы. В том числе как соотносятся создание музеев и возникновение стихийных культов, организация специальных событий (выставок, фестивалей, конференций, установка памятников, мемориальных досок) и появление граффити и других объектов стрит-арта, присоединение к общегородским мероприятиям (праздникам, реконструкциям, церемониям) или их бойкотирование, съемка исторических фильмов и реакция на них аудитории, использование профессиональных и любительских историко-мемориальных ресурсов (фотоархивы, карты и пр.). Поиск ответов на эти вопросы определяет перспективу исследований в данном направлении.

Список литературы

1. Адресный реестр улиц муниципального образования «Город Калуга» // Официальный сайт Городской Управы города Калуги. – URL: <https://www.kaluga-gov.ru/o-kaluge/rasport-goroda/adresnyy-reestr.php> (дата обращения 06.04.2023).
2. Беленков Д.В., Гюлазян П.А., Мазлумян Д.Э. Информационный суверенитет России и Европейского союза, информационное противоборство: сущность и содержание // Международный студенческий научный вестник. – 2018. – № 5. – URL: <https://eduherald.ru/article/view?id=18949> (дата обращения 06.04.2023).
3. Белявцева Д.В. Политика памяти как актуальное направление государственной политики в условиях информационных войн // Актуальные проблемы теории политики: мировое и национально-государственное измерения : материалы круглого стола кафедры политологии Белорусского государственного университета, Минск, 31 марта 2022 года. – Минск : Белорусский государственный университет, 2022. – С. 57–63.
4. Бурдые П. Социология социального пространства. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2013. – 288 с.
5. Карта Калуги 1922 г. // Это место. Калуга. – URL: http://www.etomesto.ru/img_map.php?id=5887 (дата обращения 06.04.2023).
6. Малинова О. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et contra. – 2011. – № 3/4. – С. 106–122.
7. Парамонова В.А. Социальное пространство города: отражение в названиях улиц // Власть. Общенациональный научно-политический журнал. – 2010. – № 12. – С. 50–53.
8. План губернского города Калуги 1859 г. // Геопортал Русского географического общества. – 2016. – URL: <http://geoportal.rgo.ru/record/1511> (дата обращения 06.04.2023).
9. План Калуги 1926 г. // Это место. Калуга. – URL: http://www.etomesto.ru/map-kaluga_1926/ (дата обращения 06.04.2023).
10. Старая карта Калуги 1912 г. // Это место. Калуга. – URL: http://www.etomesto.ru/map-kaluga_1912/ (дата обращения 06.04.2023).

11. Тимофеев М. Бес/з коммунизма: кризис идеологии в современной России (анализ семиотического дискурса) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 1. – С. 4–18.
12. Швыркова Е.В. Рецепция античности и топонимика советской Калуги // Молодой ученый. – 2018. – № 23(209). – С. 53–55. – URL: <https://moluch.ru/archive/209/51221/> (дата обращения 06.04.2023).
13. Importance of European remembrance of the future of Europe. Resolution of 19 September 2019 // European Parliament. – 2019. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения 06.04.2023).

Статья получена 29.06.2023

Одобрена к публикации 16.07.2023